

Николай Петрович Вагнер

Счастье

Н. П. Вагнер
СЧАСТЬЕ

На берегу моря, в убогой лачужке жил отец и два сына. Старшего звали Жаком. Он был высокий, смуглый и черноволосый. Младшего звали Павлом. У него были длинные, светлые волосы, голубые глаза и ярко-розовые губы и щеки. Они вместе с отцом ловили в море рыбу старым большим неводом и продавали ее купцам, приезжавшим нарочно для того на берег. Старший был задумчив и молчалив. Часто по вечерам он садился на берегу, на морские скалы, и долго смотрел на море. Он смотрел на большие корабли, уходившие в открытое море, и ему сильно хотелось плыть на этих кораблях туда далеко, где облака тонули в море, где лежал густой туман, туда, в далекие страны, о которых он так много слышал чудных рассказов.

А Павел был веселый мальчик; он почти всегда и всем улыбался приветливо, пел веселые песни или играл на дудке, которую ему подарил один из приезжавших купцов. Раз на лодке их застигла буря, ветер опрокинул их лодку, и волнами выбросило их всех на берег, при этом старика отца сильно ушибло о скалу. Он долго был болен и наконец умер. Уми-

рая, он сказал им:

— Спасибо вам, что не покидали и кормили вашими трудами меня, старика. После моей смерти вам нечего больше жить здесь в бедности и добывать тяжелым трудом убогую пищу. Вот вам кольцо моей прабабки, которой подарила его одна колдунья. Возьмите это кольцо, и когда придете в какой-нибудь город или деревню — покатайте его перед собой. Если кольцо завернется и прикатится к вашим ногам, то проходите мимо и идите дальше. Если же кольцо завернется и остановится около какого-нибудь дома, то в этом доме один из вас найдет свое счастье. А другой... — Но что будет с другим, этого не досказал старик. Он отвернулся к стене и умер.

Братья похоронили отца, продали хижину, лодку, старый невод, всякий старый хлам и пошли искать счастья.

Много проходили они городов и деревень, и везде пробовали, не здесь ли укажет им кольцо остановиться. Но кольцо вертелось и подкатывалось им под ноги. Наконец пришли они в одно большое село. Был ясный вечер, и все чистые белые домики покраснели

от румяного солнца. Братья вошли в село и покатали кольцо. Оно долго катилось, а они шли за ним. Наконец оно остановилось около большого дома с палисадником и большим садом с старыми липами, грушами и яблонями, на которых было много таких румяных, вкусных яблок. У садовой калитки стояла девушка, которая сама была похожа на румяное яблоко. Девушка подняла кольцо, которое подкатилось к ее ногам, подала его меньшему брату и спросила: что братьям нужно? А они смотрели на нее и не знали, что ответить.

— Счастья, — сказал Павел. Девушка засмеялась и убежала, а братья вошли в дом. Их встретила маленькая старушка в большом белом чепце.

— А! — сказала она. — Вы, вероятно, пришли наниматься в работники? Войдите сюда, там г-н Варлоо, — и она отворила им дверь в большую комнату, с решетчатыми окнами, от которых ложились красивые узоры на чистых циновках, а посередине комнаты стоял высокий седой старик, с таким же добрым румяным лицом и с такими же ямками на щеках, как и у девушки, которую они видели у

калитки.

— Ага! — сказал г-н Варлоо, — милости просим, добро пожаловать! Ого! Да какие вы оба хорошие, да здоровые. Ну! садитесь, садитесь, вы верно сильно устали, — и он жал им руки и усаживал их на дубовые стулья с высокими спинками.

— А в условиях мы сойдемся, непременно сойдемся, — начал он, когда они уселись. И он высказал условия. За работу на ферме и в саду, кроме жалованья, работники должны были получать квартиру и содержание. И братья согласились работать за эту плату.

И стали братья жить у Варлоо. Утром они работали на ферме, которая была в двух милях от дома, в полдень возвращались назад и садились обедать на большой террасе в саду, вместе с хозяевами.

В тихие, ясные вечера, по воскресеньям, устраивались танцы. Приходили соседи ближние и дальние. Красный кузнец г-н Жожо и желтый бочар г-н Ван-дер-Ври. Приходил фермер г-н Пили-Тили с скрипкой, и фермер фью-Тью с флейтой, и толстый пивовар Ван-Бум с большим пузатым турецким бара-

баном. Приходили молодые нарядные девушки и веселые, румяные работники. Ах! как было им всем весело. Пили-Тили пилил на скрипке с таким усердием, что каждая струна визжала: ай, батюшки, лопну! Фью-Тью так высвистывал на флейте, что весь надувался, как самовар и от его лысины шел пар коромыслом, Ван-Бум колотил в барабан, как в пустую бочку, и при этом припевал:

*Ай, ну-те, веселитесь!
Все живите без забот,
Пойте, пейте и вертитесь!
Пусть жизнь весело пройдет!*

И все плясали под эту музыку до упаду. Нередко под конец вечера, когда уже все выпивали довольно много пива из больших кружек, старики тоже пускались в пляс, и г. Варлоо, схватив г-жу Варлоо, танцевал с ней гавот и припевал:

*Ай, ну-те, веселитесь!
Пусть жизнь весело пройдет!*

А у г-жи Варлоо при этом глаза так и светились, точно говорили всем: видите, как весело жить на свете!

Утром по праздникам и воскресеньям все шли в церковь. Там пастор говорил, что жизнь есть благо, которое бог дает всем живущим, и тот, кто добр, того все любят и тот счастлив, потому что все его любят.

— Неужели жизнь и есть счастье? — думал иногда Павел. Впрочем, он редко думал, а больше смотрел на глазки мамзель Лилы, дочери хозяина, той самой девушки, которую братья встретили у калитки, и ему казалось, что там, в этих темно-голубых глазках, лежит его счастье. Он так часто и так долго на них смотрел, что Лила невольно отворачивалась, а Павел при этом краснел и улыбался.

Раз, когда он собирался идти на праздник, Лила сказала:

— Г-н Поль, вы никогда не надеваете шляпу с лентами, позвольте вам дать одну ленту для шляпы. — И она навязала ему на шляпу длинную розовую ленту. Он шел на праздник так весело, ветер шелестел концами ленты, и они шептали ему на ухо: ты будешь счастлив, будешь счастлив!

В другой раз, осенью, когда собирали в саду яблоки, Лила подала ему румяное яблоко и

сказала:

— Г-н Поль, я желала бы, чтоб это яблоко принесло вам счастье. Скушайте его за здоровье того, кого вы любите.

Он принес яблоко к себе в комнату и положил под подушку, а когда все в доме уснули, он вынул, долго смотрел на него, поцеловал его и сказал:

— Милое яблоко, я съем тебя за здоровье той милой девушки, которая мне милее всего на свете!.. — Да! — сказала яблоко, — у тебя губа не дура, и ты съешь меня любехонько за здоровье мамзель Лилы, но прежде возьми ты заступ и пойдем в сад туда, где растут две старые липы, там брось меня кверху, и где я упаду, тут разрой землю и может быть ты найдешь то, что принесет тебе счастье.

Павел взял яблоко, заступ и пошел в сад. Там, в одном углу, росли две большие, очень старые липы; они росли, наклонившись одна к другой, и как будто обнимались своими толстыми и частыми ветвями. Павел бросил яблоко кверху, и оно упало как раз между двумя липами. Тогда он стал рыть землю и вырыл небольшой сундучок, окованный медью, ко-

торый был наполнен старыми голландскими червонцами...

На другой же день братья купили богатую ферму, а через несколько дней Павел говорил г-н Варлоо:

— Я теперь богат, г-н Варлоо, у меня есть большая ферма. Но что мне в этой ферме? Я буду самый несчастный человек, если вы не отдадите за меня мамзель Лилу!

— Ага! — сказал г-н Варлоо, — это ты хочешь взять из моего сада самое лучшее яблоко. Хорошо, ты малый добрый и честный, будешь счастлив, за это я ручаюсь, только что на это скажет мамзель Ли́ла?

А мамзель Ли́ла как будто слушала и не слушала, что говорил отец с Павлом; она вертела в это время в руке очень спелую хорошую грушу и вдруг, неизвестно почему, положила ее к отцу в кружку с пивом, хоть этого делать вовсе не следовало.

— Ах! мамзель Ли́ла! — сказал Павел, подойдя к ней, — я давно заметил, что в ваших глазах лежит мое счастье. Отдайте мне его, и я буду самый счастливый человек во всем свете. А яблоко, которое вы мне дали, я съел

за ваше здоровье...

Лила протянула ему руку, а сама спрятала лицо на груди матери.

И какая была веселая свадьба Павла и Лилы! Вся деревня веселилась и поздравляла молодых. Все девушки надели белые платья и венки из цветов. Школьный учитель весь изукрасился разноцветными бантами, привел всех своих учеников, и они пропели в честь новобрачных кантату.

И побежали дни за днями, сегодня как вчера. Прошло времени не много и не мало — целый год, и у Лилы был уже маленький Павел, с такими же ямками на щеках, как у ней, и с такими же добрыми глазами, как у большого Павла. Кроме того, у Лилы была любимица большая хорошая пестрая корова — Мими, с черными умными глазами, которая каждое утро и вечер подходила к крыльцу и ела хлеб из рук Лилы. Была также белая коза с длинной шерстью и голубой лентой на шее Биби. Была серая кошечка Фанни с гладкой бархатной шерстью. Когда явился на свет маленький Павел, то в то же время и в один день у Мими появилась маленькая красная телка, у

Биби — хорошенький беленький козленочек, а у кошки Фанни явилось на свет целых шестеро маленьких котят с белым пятном на шейке. Всему этому радовались все.

Не радовался ничему один только Жак. Он всегда ходил один, угрюмый и задумчивый. Когда все веселились на общих семейных праздниках, он уходил далеко и возвращался домой поздно ночью.

— Послушай, дорогой мой брат, родной мой Жак, — говорил ему Павел, почему ты не весел, почему ты не хочешь быть счастливым, как и я? Посмотри, у г-на Жожо есть хорошенькая дочь, мамзель Бетти. Купи себе ферму и женись на Бетти, и ты будешь счастлив, как я!

— Нет, — отвечал Жак, — я не буду счастлив, как ты, никогда, никогда! Много людей живет такой жизнью, как ты, и они счастливы так же, как счастливы Мими, Биби и Фанни. Но если бы все остановились на этом счастье, то весь мир давно бы превратился в Мими, Биби и Фанни. Только этого никогда не бывало и никогда не будет, потому что у каждого человека бывают минуты, когда его вле-

чет куда-то вдаль, на новую жизнь, и благо тому, кто идет за этим могучим голосом, кто не заглушит его в себе и не заснет на мелочах жизни.

И он уходил в глухой лес; там вокруг него росли и шумели густыми листьями старые столетние дубы.

— О чем шумят они, — думал Жак, — и что за сила в них? Срубит дерево человек, убьет его, а никогда не узнает, чем и как оно жило!

Он ложился на мягкую, сочную траву и смотрел кругом.

— Кто же когда узнает, — думал Жак, — как растет вся эта трава из матери сырой земли? Куда идти, где найти ответ?

И кругом была тишина, только высокие дубы шумели густыми вершинами, да сердце его билось, и слышалось ему, как будто оно выговаривало все одно и то же слово: вперед, вперед, вперед!

А мысли у него бежали и струились в голове, как тени по траве, а на траву и на лес давно уже сошла темная ночь.

— Потемки, вечные потемки! — шептал Жак, и слезы у него выступали на глазах, сле-

зы бессилия.

— Боже, — говорил он, — где же свет! И по временам ему казалось, что вдруг там, на далекой поляне, сквозь ветви вспыхивал яркий белый свет и освещал всю поляну и деревья. Весь перепуганный, обрадованный, он бежал к этой поляне, он слышал, как сильно стучало сердце в груди его и с какой-то болью выговаривало: вперед, вперед, вперед! Но как скоро он прибегал на поляну, свет быстро скрывался или уходил в лес и тонул в тумане над болотом.

С тяжелой тоской он смотрел на небо. Там плыл полный месяц и как будто спрашивал его: чего тебе нужно?

— Ах, мне нужно долететь до тебя и посмотреть, что на тебе делается, потом перелететь на эти светлые звездочки, что мерцают там высоко, и все обо всем рассказать людям, чтоб для них все стало так же светло и ясно, как светел ты, светлый месяц!

Угрюмо повесив голову, возвращался он домой, а на другое утро принимался за работу, с цепом или граблями: он колотил тяжелым цепом, чтобы заглушить внутри неуто-

монный голос, который не давал ему покоя ни днем ни ночью. Наконец, Жак не выдержал. Он взял немного денег из найденных Павлом, простился с Лилой и со всеми и отправился в дорогу.

— Ах, зачем покидаете вы нас, г-н Жак, — говорили ему все, — мы все вас так любим, и у нас так хорошо живется!.. Чего вам недостает в жизни? И не стыдно ли вам отыскивать какую-то химеру?..

Но Жак не слушал никаких доводов и увещаний. Он надел свою котомку, взял свою длинную палку и вышел из деревни...

На другой день было воскресенье, и пастор в церкви говорил, что должно быть довольным малым и тем счастьем, которое к нам нисходит от бога, что человек, недовольный своей судьбой, подпадает под власть духа сатанинской гордости и погибает.

А Жак весело и бодро шел своей дорогой. По дороге росли высокие дубы и одобрительно шумели ему зелеными вершинами, как будто говорили: вперед! вперед! вперед!

Проходя по селам и городам, он снимал с пальца то кольцо, которое доставило Павлу

счастье, и катил его по дороге, как завещал ему отец, но кольцо постоянно катилось вперед и, никуда не заворачиваясь, прямо падало на дорогу.

— Видно, в дороге мое счастье! — говорил, улыбаясь, Жак и весело шел вперед. Он останавливался и жил в больших городах, где были большие школы, много ученых и еще больше всяких книг. Он много читал, многому научился, и вместе с знанием тихая радость и светлый мир спускались к нему в сердце.

Он сделал много разных открытий и много путешествовал. Он был за морями, в тех далеких чудных странах, о которых мечтал, сидя на скалах морских, когда был бедным, темным рыбаком. Много трудов и лишений вынес он, но все эти тяжелые труды давали богатую жатву, и он был счастлив плодами этих трудов.

— Я сделал немного, — говорил он, — на этом долгом пути, но все-таки я хоть немного подвину людей туда, в этот таинственный мир, к вечным звездам, которые так недостижимо мерцают над нашими головами в недо-

ступной красе!..

Наконец он добрался до тихой глубокой старости. Почти все знали и уважали его в том большом городе, где он жил. Когда он выходил из дому, опираясь на свою длинную палку, то народ расступался перед ним и снимал шапки.

И он со всеми раскланивался ласково и приветливо, а сам думал: «Спасибо вам, братья, что вы не бросаете в меня камнями и грязью, как бросали во многих, которые шли впереди вас с желанием вам добра и счастья!»

Раз он сидел перед раскрытым окном, за большой книгой. Он сидел и долго думал о неразгаданных тайнах, о будущем счастье людей. И вдруг!.. Да, это ясно все видели в окне, — какой-то особенный свет блеснул перед ним, но что увидал он в этом свете, — того никто не узнал, потому что, когда пришли его слуги, его уже не было в живых. Он спокойно сидел и как будто улыбался во сне улыбкой глубокого счастья.